

УДК 930.1

ТРАКТОВКА ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ ЭРНСТА КАССИРЕРА*

© И. В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович
доктор философских наук
доцент кафедры философии
Самарский национальный
исследовательский
университет
им. С. П. Королева
e-mail: ilyadem83@yandex.ru

В статье анализируются взгляды Эрнста Кассирера на природу историописания и специфику исторического познания. Выявляются общефилософские предпосылки культурно-семиотического подхода к истории. Проводятся параллели с трактовками истории в философских концепциях Риккерта и Гадамера.

Ключевые слова: семиотика, история, семиотика истории, философия истории, философия символических форм, Кассирер.

Социально-гуманитарные науки в XX веке во многом развивались под влиянием семиотики и философии языка. Историю социально-гуманитарных дисциплин невозможно отделить от истории семиотики и лингвистически ориентированной философии. В последние десятилетия семиотический подход получает все большее распространение и в исторических исследованиях. Однако философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал этого подхода до сих пор остаются непроясненными. Терминология и отдельные методологические приёмы, разработанные в семиотической литературе, часто применяются некритически, эклектично совмещаясь с традиционными методами исторического познания. Эвристические возможности и мето-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

дологические границы применения семиотического подхода в познании исторического прошлого в современной исследовательской литературе ещё не подвергались систематическому изучению и уточнению.

Наряду с лингвистикой и литературоведением, историописание является той областью познания, в которой базовые презумпции семиотики находят наиболее полное воплощение. Однако если в области языкознания и литературоведения использование семиотической терминологии и методологии имеет давнюю историю, то в теории и методологии исторического познания практически отсутствуют исследования семиотической направленности.

Эрнст Кассирер является одним из родоначальников семиотического подхода к пониманию истории. В работах «Философия символических форм» и «Опыт о человеке» он раскрывает знаково-символическую природу исторического источника и по-новому решает некоторые ключевые вопросы философии и методологии истории (о специфике исторического познания, об исторической объективности и исторической истине и т. д.). Однако этим значение его работ для постметафизической философии истории не исчерпывается. Кассирер переносит вопрос об истории из области спекулятивной философии в сферу семиотически ориентированной философии культуры, во многом предвосхищая исследования Р. Дж. Коллингвуда, Г.-Г. Гадамера, Х. Уайта, А. Данто, Ф. Анкерсмита. С именем Эрнста Кассирера связан окончательный переход от классической (метафизической) философии истории — к постметафизической.

Кассирер принимает исходные установки и антиметафизическую направленность кантовского и неокантианского критицизма. Дуализм бытия и становления, неизменного и изменчивого в контексте кантовской критической философии, как известно, приобретает *логический*, а не онтологический (метафизический) смысл: «Мы уже не говорим более о двух мирах — абсолютно изменчивом и абсолютно неизменном. Субстанция и изменение рассматриваются не как различные *области* бытия, а как категории — условия и предпосылки нашего эмпирического знания»¹ (курсив Кассирера. — *И. Д.*). При этом подчёркивается, что неправомерно отождествлять мир природы с неизменным «бытием», а мир истории рассматривать исключительно как область «становления». Историческая реальность не может быть истолкована в терминах одних лишь изменений, но всегда предполагает также неизменный, «субстанциальный» элемент. В этой связи известное высказывание Ортеги-и-Гассета (*Человек не имеет природы, все, что он имеет, — это история*)² перефразируется Кассирером так: «Человек имеет историю как раз потому, что имеет природу»³. И действительно, история (историописание) невозможна без допущений относительно сущности человека, государства, искусства и т. д. Кассирер дистанцируется не только от субстанциализма классической философии, но и от антисубстанциализма, последовательно отстаивая установку кантовского

¹ Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. С. 644.

² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь Мир, 1997. С. 467.

³ Кассирер Э. Опыт о человеке. С. 644–645.

критицизма, суть которой сводится к воздержанию от высказываний о реальности «самой по себе».

Разделяя исходные презумпции кантовского критицизма, Кассирер переносит акцент с критики разума на критику культуры: «Задача критики познания расширяется <...> до задачи критики культуры»⁴. Философия, согласно Кассиреру, возможна лишь как философия (критика) культуры, а последняя предстаёт в качестве «философии символических форм»: «Если культура выражается в творении идеальных образных миров, определенных символических форм, то цель философии заключается не в возвращении к тому, что было до них, а в том, чтобы понять и осмыслить их фундаментальный формообразующий принцип»⁵. Под «символической формой» Кассирер понимает «всякую энергию духа, через которую некое духовное смысловое содержание связывается с конкретным чувственным знаком и внутренне присваивается этому знаку»⁶. Философия культуры как философия символических форм фактически приобретает статус «первой философии»⁷.

Попытку выйти за пределы культуры и философии культуры, постичь действительность «саму по себе», вне её символических форм, Кассирер квалифицирует как «мистицизм». Вопрос о том, есть ли реальность сама по себе (вне символического универсума культуры) и какова эта реальность, не может быть поставлен в контексте критической философии: «Для философии, свершающей себя лишь в понятийной строгости и ясности дискурсивной мысли, доступ в рай мистицизма, в рай чистой непосредственности закрыт»⁸.

Наиболее фундаментальной философской предпосылкой рассуждений Кассирера об истории, историческом познании и историческом факте выступает принцип тождества исторического бытия и исторического сознания. Данный принцип в той или иной интерпретации разделяли такие философы, как Гегель, Дильтей, Кроче, Карсавин, Коллингвуд, Гадамер. Во всех случаях в качестве исходного принимается тезис о том, что история (исторический процесс) не есть нечто самодостаточное по отношению к историческому сознанию субъекта, но является одним из проявлений актуальной жизни духа/человеческой культуры. Следуя такому пониманию истории, Кассирер подчёркивает, что «историческое мышление — это не воспроизведение, а, напротив, сам действительный исторический процесс»⁹. Обращение к истории происходит не из праздного любопытства, но представляет собой одно из существенных проявлений жизни человека и культуры.

⁴ *Свасьян К. А.* Философия символических форм Э. Кассирера. Ереван: АН АрмССР, 1989. С. 72.

⁵ *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. С. 47.

⁶ *Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 394.

⁸ *Кун Х.* Философия культуры Эрнста Кассирера // Избранное: Индивид и космос / Э. Кассирер. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 616.

⁹ Цит. по: *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. С. 66.

⁹ *Кассирер Э.* Опыт о человеке. С. 657.

Трактовка исторического факта и историописания у Кассирера определяется критическим дистанцированием от двух методологических установок, которые были характерны для исторической науки и философии истории второй половины XIX — начала XX вв. Речь идёт о *натурализме* и *психологизме*. В качестве примеров натурализма и психологизма в историческом познании Кассирер приводит концепции Ипполита Тэна и Карла Лампрехта. При этом психологизм (сведение истории к психологии) можно рассматривать как одну из версий натурализма, понятого в широком смысле слова. В этом вопросе Кассирер продолжает линию Риккерта, который стремился обосновать автономию исторического познания, его несводимость к познанию естественнонаучному¹⁰. Однако, разделяя исходную установку Риккерта, Кассирер предлагает иной вариант решения проблемы специфики исторического познания¹².

Наряду с критикой натурализма, одним из определяющих мотивов философско-исторических изысканий Кассирера становится стремление отмежеваться от философии истории спекулятивного типа. Теория истории, согласно Кассиреру, должна разрабатываться в контексте философии культуры как «философии символических форм». Семиотически ориентированная философия истории не нуждается в рассмотрении традиционных вопросов спекулятивной философии истории (о смысле и цели истории, о факторах и «движущих силах» исторического развития и т. д.), она ставит перед собой гораздо более простую и скромную задачу: «пытается определить место исторического знания в организме человеческой цивилизации»¹². В этой связи на первый план выходят вопросы о специфике исторического факта, основаниях отбора фактов и способах их интерпретации.

История (историописание), наряду с искусством, рассматривается Кассирером в качестве мощного инструмента исследования человеческой природы, «органа нашего самопознания», и «необходимого инструмента построения нашей человеческой Вселенной»¹³. Тезис о том, что историческое познание по своей сути есть самопознание, является едва ли не общепринятым в литературе по философии и методологии истории¹⁴, однако у Кассирера данная мысль получает новое, не вполне привычное звучание. Речь идёт не о

¹⁰ См.: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.

¹¹ Подробнее о месте Кассирера в истории неокантианского движения см.: *Лосев А. Ф.* Теория мифического мышления у Э. Кассирера // *Избранное. Опыт о человеке* / Э. Кассирер. М.: Гардарики, 1998. С. 730–760; *Вейнмейстер А. В.* Эрнст Кассирер — неокантианец? // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2013. № 4 (30). Ч. III. С. 32–35.

¹² *Кассирер Э.* Опыт о человеке. С. 682.

¹³ Там же. С. 683.

¹⁴ См.: *Дёмин И. В.* Обоснование методологии исторического познания в метафизике всеединства Л. П. Карсавина // *Аспирантский вестник Поволжья.* 2015. № 3-4. С. 87–94; *Дёмин И. В.* Трактовка соотношения прошлого и настоящего в историософии Карсавина и в экзистенциальной аналитике Хайдеггера // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 56–66.

том, что историческое знание позволяет нам глубже проникнуть в некую изначально данную «природу» человека (безотносительно к тому, как мы её понимаем), но о том, что человек живёт не в физической, но в символической вселенной и сам является «символическим животным»¹⁵. Иными словами, «сущность» человека усматривается не в той или иной его характеристике (разумность, социальность и т. д.), но в его способности создавать, понимать и интерпретировать символы культуры. Историописание — это одна из тех областей, где символическая природа человеческого существа проявляется с наибольшей отчётливостью.

Важное место в культурно-семиотической концепции Кассирера занимает переосмысление понятия исторического факта. Специфику исторического познания по сравнению с естествознанием традиционно усматривали либо в онтологическом статусе его объекта (Дильтей), либо в особой логике образования понятий и индивидуализирующем, идеографическом методе, в способах объяснения и описания исторических событий (Риккерт, Виндельбанд). Кассирер одним из первых обратил внимание на фундаментальное различие между историческим и естественнонаучным фактом, выявил семиотическую природу исторического источника.

История (историописание), как и естествознание, начинается с фактов, и в этом смысле факты — «не только начало, но и цель, альфа и омега всего исторического знания»¹⁶. Однако процедуры установления фактов в истории и естествознании фундаментально различны. Естественнонаучный факт устанавливается посредством наблюдений и экспериментов. «Если физик сомневается в результатах эксперимента, он может повторить и уточнить его. Его объекты присутствуют в каждый данный момент в готовности к ответам на его вопросы»¹⁷. Историк же такой возможности лишён, так как его факты принадлежат прошлому, а «прошлое ушло безвозвратно, его нельзя восстановить, нельзя побудить к новой жизни в простом физическом, объективном смысле»¹⁸. Отправная точка исторического познания — не эмпирическое наблюдение, а «идеальное воссоздание», реконструкция¹⁹. Историк *реконструирует* прошлое (тот или иной его фрагмент) на основании «следов» (источников), которые наличествуют в настоящем. Сам по себе этот тезис не является чем-то принципиально новым для философии истории и теории историописания. Новизна концепции Кассирера заключается в том, как именно трактуется историческая реконструкция.

¹⁵ Подробнее о трактовке человека в философии Кассирера см.: *Малинкин А. Н.* Эрнст Кассирер // *Избранное. Опыт о человеке* / Э. Кассирер. М. : Гардарика, 1998. С. 724–729; *Вейнмейстер А. В.* Концепции символической интерпретации культуры (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев). СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2012; *Демидова М. В.* Человек как «Animal Symbolicum» в философии культуры Э. Кассирера: историко-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007.

¹⁶ *Кассирер Э.* Опыт о человеке. С. 646.

¹⁷ Там же. С. 647.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Историк, в отличие от естествоиспытателя, не имеет непосредственного доступа к реальности прошлого, его задача — «вспомнить» прошлое, дать ему новое, идеальное существование. Всякий факт (как исторический, так и естественнонаучный) является ответом на поставленный исследователем вопрос. Однако предмет исторического познания, в отличие от познания естественнонаучного, недоступен непосредственному наблюдению, историк «не может стать лицом к лицу с самими событиями, не может проникнуть в формы прежней жизни»²⁰.

Непосредственными объектами исторического познания выступают не вещи и события, а документы и артефакты, то есть *исторические источники*. Исторический источник не является физическим объектом в привычном смысле этого слова. Исторический источник — это *знак* или символ. «Только через посредство и вмешательство этих символических данных можно понять реальные исторические данные — события и людей прошлого»²¹. Первоочередная задача историка состоит в том, чтобы научиться понимать эти символы. Реконструкция событий прошлого осуществляется историком не иначе, как посредством понимания и интерпретации исторических источников — текстов и материальных артефактов. «В истории интерпретация символов предшествует собиранию фактов, а без такой интерпретации приблизиться к исторической истине нельзя»²². Историк, таким образом, имеет дело не с миром физических объектов, а с семиотическим универсумом культуры — миром символов.

Полемизируя с Генрихом Риккертом, Кассирер подчёркивает, что главное отличие исторического познания от естественнонаучного заключается не в логике (то есть способе образования понятий), а в самой природе исторического факта. Задача раскрытия специфики исторического познания не решается посредством построения новой «логики истории», она достигается путём раскрытия знаково-символической природы исторического источника и исторического факта. «Историческая и естественнонаучная мысль, — отмечает Кассирер, — различимы не по их логической форме, а по их целям и содержанию. При описании этого различия недостаточно сказать, что учёный имеет дело с объектами настоящего, а историк — с объектами прошлого: такое различие будет ошибочным»²³. Не всякое познание прошлого можно считать *историческим* познанием. Так, историческая геология или палеонтология — это науки о прошлом, но это не *исторические* науки. Хотя предметом геологии и палеонтологии выступает прошлое (в том числе и *единичные* события прошлого), эти науки относятся к области *естествознания*, а так называемая естественная история не является историей в собственном смысле слова.

Возражая Риккерт, Кассирер пишет: «Геолог, описывающий разные состояния земли в различные геологические периоды, также сообщает о конкретных и уникальных событиях. Эти события неповторимы, их нельзя наблюдать в том же виде в другое время. В этом отношении описание геолога

²⁰ Кассирер Э. Опыт о человеке.

²¹ Там же. С. 647–648.

²² Там же. С. 670.

²³ Там же. С. 649.

не отличается от исторического описания»²⁴. Несмотря на это, никто не станет сомневаться в принципиальном отличии истории от геологии и других естественных наук.

Специфика исторического исследования, согласно Кассиреру, не в том, что его объектом является прошлое, и даже не в том, что оно нацелено на реконструкцию индивидуального (уникальных и неповторимых событий), а в том, что оно имеет дело с символическим универсумом человеческой культуры. Геолог и палеонтолог также реконструируют прошлое, однако историческое познание — это не только эмпирическая, но также *символическая* реконструкция. Для решения этой задачи историк может использовать естественнонаучные методы, однако историописание никогда не сводится к процедуре установления и объяснения фактов на основе методов естествознания. «Нет ни одного объекта, свободного от законов природы. В этом смысле исторические объекты не представляют собой особой отдельной и самодостаточной реальности: они воплощены в виде физических объектов. Но несмотря на такую воплощенность, они принадлежат, так сказать, более высоким сферам»²⁵. То, что сообщает вещам и событиям специфически *исторический* смысл, неуловимо с помощью методов естествознания. Историческое значение источника не лежит на поверхности, оно должно быть раскрыто в процессе интерпретации. Раскрыть историческое значение того или иного текста/артефакта — значит поместить его в контекст символического универсума культуры, что предполагает использование специфической методологии и терминологического аппарата семиотики и семиотически ориентированной философии культуры.

Историк, в отличие от геолога или палеонтолога, «должен научиться читать и интерпретировать документы и памятники не только как мертвые остатки прошлого, но как его живые послания — послания, адресованные нам, но написанные на своем собственном языке»²⁶. Это сближает деятельность историка с деятельностью лингвиста, филолога и литературоведа. Кассирер усматривает принципиальное сходство в работе историка и филолога в том, что оба они — в ходе интерпретации — делают понятными тексты, написанные на ином, неизвестном (полностью или частично) нам языке. Историк, согласно Кассиреру, «гораздо более лингвист, чем естествоиспытатель»²⁷, поскольку главная его задача заключается в расшифровке семиотического кода источника.

Исторический источник в контексте культурно-семиотической концепции Кассирера рассматривается в качестве послания/сообщения, адресованного нам, но написанного на неизвестном нам языке. Задача историка — расшифровка, декодирование этого сообщения, перевод текста с языка прошлого на язык настоящего. Историк выступает в роли *переводчика* с языка прошлого на язык настоящего. Такое понимание историописания предполагает, что историк делает всё то же, что и естествоиспытатель, изучающий прошлое, но историк делает также и нечто *сверх этого*.

²⁴ Там же. С. 661.

²⁵ Там же. С. 649.

²⁶ Там же. С. 650.

²⁷ Там же.

Здесь становится отчётливо видно расхождение Кассирера с философско-исторической концепцией Риккерта. Если Риккерт полагал, что историк и естествоиспытатель имеют разные *познавательные цели* и руководствуются разными *методами* (точнее, разными логическими схемами), то Кассирер исходит из того, что историописание *включает* в себя естественнонаучную реконструкцию прошлого, но не исчерпывается ею. Культура (культурно-исторический мир) в концепции Кассирера — не особая область действительности, реально существующая наряду с миром природы, но это и не просто специфический предмет познания, конструируемый с помощью индивидуализирующего метода и отнесения к ценностям. Культура — это знаково-символический универсум, который не противостоит миру природы, изучаемому естествознанием, но в определённом смысле *включает* его в себя.

Рассмотрев вопрос о специфике исторического познания, Кассирер обращается к другой значимой методологической проблеме. Речь идёт об основаниях отбора исторических фактов. Как осуществляется отбор исторических фактов, иными словами, какие факты прошлого заслуживают внимания историка, а какие — нет?

Кассирер рассматривает два распространённых ответа на этот вопрос. Один из них был предложен Генрихом Риккертом, другой — Эдуардом Мейером. Риккерт полагал, что историк должен руководствоваться определенной системой формальных ценностей и использовать её в процессе отбора фактов. Согласно Мейеру, факт становится исторически значимым, если он имеет существенные последствия для настоящего. Оба ответа представляются Кассиреру неполными и недостаточными. Дело в том, что исторический универсум — это универсум символический, в историческом познании «физически и практически мало-значительное может иметь огромное семантическое значение»²⁸. Кассирер подчёркивает, что исторические факты — это характерные факты, поскольку «в истории — и в истории народов, и в истории индивидов — мы вовсе не исследуем поступки и действия сами по себе: в этих поступках усматривается выражение характера»²⁹. Тот или иной факт биографии исторического деятеля может представляться незначительным с «объективистской» точки зрения, но он может оказаться весьма значимым для понимания личности этого деятеля, духа эпохи и т. д. Бесполезно поэтому спрашивать о том, какие «объективные», реальные последствия имело то или иное историческое событие, поскольку в мире истории всякое событие понимается и интерпретируется его современниками и потомками и только в силу этого оно может иметь какое-либо значение и оказывать влияние на последующий ход событий. Способы и характер интерпретации событий и текстов, в свою очередь, зависят от типа культуры, господствующих культурных кодов.

Кассирер, вслед за Шлегелем, рассматривает историописание в качестве «пророчества, обращённого в прошлое». Пророчество о прошлом означает «разоблачение его тайной, скрытой жизни»³⁰. Историческое знание — это знание

²⁸ Кассирер Э. Опыт о человеке. С. 671.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 651.

о прошлом, которое нельзя экстраполировать в будущее, однако, как подчёркивает Кассирер, новое понимание прошлого открывает новую перспективу будущего, что в свою очередь, становится стимулом интеллектуальной и социальной жизни.

В культурно-семиотической концепции Кассирера подчёркивается неразрывная связь исторического познания с контекстом/контекстами настоящего. Историческое знание представляет собой ответы на определённые вопросы, но сами вопросы порождены и продиктованы настоящим, современным культурным, интеллектуальным, мировоззренческим, социально-политическим контекстом.

Рассматривая вопрос о соотношении прошлого и настоящего и о месте исторического знания в контексте культуры и социального бытия, Кассирер обращается к концепциям Б. Кроче и Ф. Ницше, которые противоположным образом решали указанную проблему. Бенедетто Кроче отождествлял реальность как таковую с *исторической реальностью* и рассматривал всякое знание в качестве модификации исторического знания. В то же время всякая история рассматривалась Кроче как актуальная (современная) история. Такая позиция («абсолютный историзм») связана с утверждением приоритета «исторической» точки зрения и экспансией исторического метода на область естествознания. Фридрих Ницше, напротив, ставил вопрос о «пользе и вреде истории для жизни», о границах исторического метода и необходимости забвения и «неисторической» точки зрения³¹.

Не принимая позицию абсолютного историзма Кроче, Кассирер в то же время выступает против искусственного разграничения «жизни действия» и «жизни мысли», которое негласно предполагается в философии Ницше³². Осознание прошлого «должно дать более свободный взгляд на настоящее и усилить нашу ответственность перед будущим»³³. Необходимость исторического знания Кассирер связывает с тем, что «человек не может сформировать будущее, не зная условий настоящего и своей ограниченности прошлым»³⁴. Ограниченность прошлым в данном случае — не досадная помеха, которую следует преодолеть, но горизонт нашего видения и понимания.

Специфика исторического познания и историописания демонстрируется Кассирером на материале истории философии. С одной стороны, невозможно написать историю философии без чёткого представления о том, что такое философия (без понимания её «сущности»), с другой стороны, само понятие философии меняется и пересматривается, а «факты философского прошлого учений и систем великих мыслителей не имеют никакого значения без их интерпретации»³⁵. Это означает, что всякая история вообще и история фи-

³¹ См.: Дёмин И. В. Ф. Ницше и постметафизическая философия истории // Клио. 2014. № 6 (60). С. 3–7.

³² Подробнее об этом см.: Соболева М. Е. Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001.

³³ Кассирер Э. Опыт о человеке. С. 652.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 653.

лософии в частности с неизбежностью переписывается в свете нового понимания настоящего и новых перспектив будущего, которые, в свою очередь, открываются благодаря новым интерпретациям прошлого.

Человек обладает историей и является носителем исторического сознания лишь потому, что ему присущ проективный способ существования, а будущее является открытым горизонтом возможностей. «Историей», — пишет Кассирер, — обладает только желающее и действующее, выходящее в будущее и определяющее его своей волей существо, познающее историю только потому, что постоянно ее производит»³⁶. Процесс переинтерпретации (переписывания) истории никогда не останавливается: «Как только в познании возникает новое видение, новый взгляд на вещи, так мы должны пересматривать наши суждения»³⁷. Важно подчеркнуть, что данный тезис относится не только к «истории идей», но к любой истории. Не только история философии или искусства переписывается и переинтерпретируется в свете нового понимания философии и искусства, но и история политических (и каких-либо иных) событий зависит от нашей концепции людей, которые в них вовлечены³⁸. «Как только мы увидим индивидов в новом свете, мы должны изменить и наше понимание событий»³⁹.

Предложенная Кассирером трактовка историописания имеет много общего с философской герменевтикой Гадамера, в которой также отвергается идеал «объективной», единственно верной интерпретации истории. Множественность интерпретаций одних и тех же исторических текстов и событий не является свидетельством ущербности исторического знания по сравнению с естественно-научным, эта множественность имеет *позитивное* значение, является способом самопознания и самоосмысления человека и культуры.

Решающее значение для понимания специфики исторического познания имеет тот факт, что «сознание историка относится к своему объекту иначе, чем сознание физика или натуралиста»⁴⁰. Исторический объект (будь то исторический текст или артефакт) не является чем-то самотождественным и неизменным, его нельзя мыслить по аналогии с физическим объектом, который сохраняется и существует благодаря силе инерции. Физическая вещь «сохраняет свою природу, пока не изменяется или не разрушается действием внешних сил»⁴¹, совсем иначе обстоит дело с артефактами культуры. «Их реальное бытие не физическое, а символическое; такая реальность постоянно требует истолкования и переистолкования»⁴². Историческое как историческое не сохраняется в силу инерции, чтобы сохраниться, оно должно постоянно возобновляться и восстанавливаться, реконструироваться. Это достигается в

³⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3: Феноменология познания. М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. С. 144.

³⁷ Кассирер Э. Опыт о человеке. С. 653.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 655.

⁴⁰ Там же. С. 658.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

процессе интерпретации и переинтерпретации исторических источников, текстов и артефактов прошлого.

Физические объекты сохраняют своё существование независимо от деятельности учёного, исторические же объекты обнаруживаются лишь в актах интерпретации, они существуют лишь до тех пор, пока о них помнят, причём «акт припоминания должен быть непрерывным и продолжающимся»⁴³. Историк, в отличие от естествоиспытателя, не может просто наблюдать свои объекты, он должен их сохранять, удерживать в памяти и в бытии, всякий раз «оживлять» их в процессе интерпретации. «Чтобы овладеть миром культуры, нужно постоянно восстанавливать его в исторической памяти. Но удержание в памяти — не простой акт воспроизведения. Это новый интеллектуальный синтез — конструктивный акт»⁴⁴. Быть для исторического объекта — значит быть удерживаемым в памяти. В этом смысле историописание неотделимо от постоянного усилия удержания в памяти и возобновления в бытии того, чему всякий раз угрожает опасность забвения и исчезновения (не только физического, но в первую очередь *символического*).

Такая трактовка исторического объекта как «удерживаемого в памяти» и нуждающегося в возобновлении, а истории — как всякий раз переписываемой и переинтерпретируемой позволяет Кассиреру по-новому поставить традиционный вопрос об объективности исторического знания. Та форма объективности, которая может быть присуща истории, не имеет ничего общего с идеалом классического естествознания, ориентированного на последовательное устранение «антропологических» элементов из результатов познания.

Идеал естественнонаучной объективности выражается формулой: «чтобы изучать природу, открывать и формулировать законы природы, мы должны забыть человека»⁴⁵. В отличие от естествознания, история по самой своей природе антропоморфна и «антропологична». История «может жить и дышать только в человеческом мире»⁴⁶, она является формой самопознания человека, а не просто знанием внешних фактов или событий. Тезис о сущностной антропоморфности истории не означает, что приоритетное значение для историка имеет индивидуальное Я. Историческое сознание антропоморфно, но совсем не обязательно эгоцентрично. Суть исторического сознания Кассирер выражает с помощью парадоксальной формулы: история стремится к «объективному антропоморфизму»⁴⁷.

Подведём итог. Своеобразие философско-исторической концепции Кассирера связано с новым ракурсом рассмотрения традиционных вопросов философии истории и методологии исторического познания. В центре внимания Кассирера — не вопрос о том, что представляет собой исторический процесс и даже не вопрос о том, как возможно объективное историческое знание, решающее значение в его концепции приобретает вопрос о специфике историописания

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 659.

⁴⁵ Там же. С. 665.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

как формы самопознания человека. Кассирер обосновал тезис о знаково-символической природе исторического универсума, предвосхитив тем самым ключевые идеи постметафизической лингвистически ориентированной философии истории второй половины XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вейнмейстер А. В.* Концепции символической интерпретации культуры (Э. Кассирер, А. Ф. Лосев). Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2012. 167 с.
2. *Вейнмейстер А. В.* Эрнст Кассирер — неокантианец? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30). Ч. III.
3. *Демидова М. В.* Человек как «Animal Symbolicum» в философии культуры Э. Кассирера: историко-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 175 с.
4. *Дёмин И. В.* Обоснование методологии исторического познания в метафизике всеединства Л. П. Карсавина // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3-4. С. 87—94.
5. *Дёмин И. В.* Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера // Философия и культура. 2014. № 3.
6. *Дёмин И. В.* Ф. Ницше и постметафизическая философия истории // Клио. 2014. № 6 (60).
7. *Дёмин И. В.* Трактровка соотношения прошлого и настоящего в историософии Карсавина и в экзистенциальной аналитике Хайдеггера // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 4.
8. *Дёмин И. В.* Проблема соотношения истории и природы в историософских концепциях Кроче и Коллингвуда // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 1 (19).
9. *Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. 654 с.
10. *Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. Москва : Гардарика, 1998.
11. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 1: Язык. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 272 с.
12. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3: Феноменология познания. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 398 с.
13. *Кун Х.* Философия культуры Эрнста Кассирера // Избранное: Индивид и космос / Э. Кассирер. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000.
14. *Лосев А. Ф.* Теория мифического мышления у Э. Кассирера // Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. Москва : Гардарика, 1998.
15. *Малинкин А. Н.* Эрнст Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. Москва : Гардарика, 1998.
16. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. Москва : Весь Мир, 1997. 704 с.
17. *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1980. 226 с.
18. *Свасьян К. А.* Философия символических форм Э. Кассирера. Ереван : АН АрмССР, 1989. 238 с.
19. *Соболева М. Е.* Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2001. 152 с.